

ГРЯДУЩИЙ МИР В ДИАЛОГЕ С ФИЛОСОФИЕЙ (О книгах издательства «КАНОН+»)

Аннотация. Книги, издаваемые «Каноном+», как уже отмечалось в предыдущих обзорах, дают ясное представление о протекающем ныне историко-философском процессе. Из потока новых изданий мы выбрали две работы. В них осмысливается логика историко-философской рефлексии, прорабатывается вопрос о понятийном аппарате исследований и о недопустимой модернизации категорий при анализе древних текстов и давней философской рефлексии. Это, прежде всего, относится к вызову, который содержится в книге В.К. Шохина «Агатология». Он предлагает вернуться к термину, который относится к моральной тематике и возник раньше, чем аксиология. Однако речь идёт не только о терминологии. В.К. Шохин ставит в своей работе множество проблем, требующих безотлагательного обсуждения. К этому замыслу примыкают материалы российской научной конференции «История философии: вызовы XXI в.». В ней приняли участие известные историки философии, российские и зарубежные. Общий атрибут конференции – дискуссионность. По многим вопросам формулируются разные позиции, но неизменно расширяющие горизонт философского мышления.

Методы анализа материала самые разнообразные. Конкретность принципа историзма не только прослеживается в самой постановке вопросов, но и является объектом тщательного и дискуссионного обсуждения. Вместе с тем историки философии показали возможности культурологического и социологического анализа исторического материала. Применены практически разнообразные способы истолкования мира. Подчеркнута также особая ценность междисциплинарных исследований.

Новизна материала обусловлена стремлением преодолеть трудности, обозначившиеся в современном историко-философском процессе. Тщательно выверено соотношение истории философии и философии в целом. Дана методологическая критика современного европоцентризма как тормоза современных историко-философских исследований. Отмечено, что многие конкретные философские разработки, которые уже сегодня имеются в Индии, Китае, на арабском Востоке, решительно включаются в осмысление именно глобальных, общецивилизационных проблем. Поставлен вопрос о преодолении стереотипов в преподавании истории философии. Обоснована правомерность философского блока знаний, называемого агатологией.

Ключевые слова: философия, история философии, аксиология, агатология, европоцентризм, философские традиции, история идей, «дух времени», наука, философские категории.

ОТКРЫТОСТЬ БЛАГУ

Шохин В.К. Агатология: современность и классика. М., 2014. 360 с. (тираж 1000 экз.).

Есть основания думать, что каждая область философского знания получила свое название по определению, по общему согласию и сути самой дисциплины. Но это, оказывается далеко не так. Блоки философской рефлексии обретали свое именование в силу острой конкуренции, явного соперничества и даже в результате простого забвения собственных истоков. В зависимости от названия философской

дисциплины выстраивается и иерархия присущих ей понятий. Речь идет о их внутреннем соотношении, концептуальной сцепленности. «Понятия, как грибы или люди в большинстве случаев живут семьями, – пишет В.А. Кутырев, – при том традиционного типа – патриархальными, клановыми. Они могут то сосредоточиваться, вбирая в себя чуть ни не все ближайшее окружение, то заводят романы на стороне, пуская от своего корня, десятки побегов»¹.

Как отделить законных сынков от бастардов? В.К. Шохин пишет: «Например, в XVII ст. немецкая

¹ Кутырёв В.А. Бытие или ничто. СПб., 2010. С. 160.

университетская философия (которую не совсем точно называют «школьная философия») предложила множество неологизмов, призванных упорядочить соотношение философских дисциплин, из которых только очень немногие выдержали проверку временем. Сейчас мало кто знает, что примерно одновременно появились такие обозначения теории познания, как «ноология», «гностология» и передавшая свои функции совсем другой области знания «археология», или что была введена общая философская наука о причинах – «этиология» (с.5).

Книга В.К. Шохина, прежде всего, интересное чтение. История идей всегда обладает особой привлекательностью, даже в том случае, если это не относится к вам напрямую. Вот автор сообщает, что термин «онтология» принадлежит Р. Гоклениусу, который в 1613 г. ввел его в философский обиход. Пока это общая справка. А далее разъяснение, которому нельзя отказать в убедительности. Приветствуется не только морфологическое изящество, но и связанное со словом отделение общей метафизики от специальной метафизики. Сразу отметим, что определенное морфологическое и синтаксическое изящество присуще и работе В.К. Шохина. Он взял на себя и определенную лексическую обязанность и, судя по всему, справился с нею.

Так вот, как говорится «приз в студию!» - агатология. Речь вовсе не идет об умножении философских дисциплин. Оказывается, на рубеже 90-х и нулевых В.К. Шохин предложил этот неологизм. Он намеревался создать морфологическую оппозицию аксиологии, настаивая на том, что «благо» и «ценность» - не синонимы. Несомненно, в философском обиходе многие понятия утрачивают собственную суть и определённость. Это отметила, в частности, и Э.М. Спирова в своей книге «Символ и знак»². Это солидарная позиция с мнением В.К. Шохина, который напоминает, что профессиональный долг философии состоит в демаркации базовых понятий, которые в обыденном сознании «сливаются».

Далее автор, не выпуская из рук патент на собственное открытие, чистосердечно рассказывает о том, что термин, оказывается, уже прижился. Вот и ответ: «Морфологическая когерентность термина и оправданность в качестве герменевтического инструмента для интерпретации некоторых древних философских текстов уже являются основаниями

для его инициации в качестве обозначения одной из философских субдисциплин» (с.7-8). Внимательный читатель, еще раз остановите свой взгляд на этой фразе. Разве я не говорил о стилистическом изяществе?

Далее мы получаем неплохие аргументы, которые показывают, что в философии нет линейного прогресса. Идеи возникают, чтобы передать эстафету рефлексии, исчезают и возобновляются. Недаром развитие философии нередко сравнивают с музыкальной драматургией классической фуги.

Данный отклик на книгу не является традиционной рецензией. Жанр ее требует критического анализа, указания на ошибки и порой и «контрольного выстрела в голову». Но в данном случае книга надёжно себя защищает со всех позиций. Во-первых, она является, как свидетельствует автор, логическим продолжением его собственного исторического исследования, которое знакомит нас с эволюцией понятий «ценность» и «ценности» на пространстве от античности до конца XVIII в. Многие из того, что явилось фундаментом данного исследования, уже было приняты философской общественностью.

Данный труд – «объект под охраной», поскольку многие вопросы, возникающие по ходу чтения монографии, предумышленно уже во введении освещаются автором. В.К. Шохин отмечает также, что привычное слово «классика» ближе, чем «агатология». Он пишет: «Но и тут без некоторых комментариев не обойтись. Понятие это распространяется здесь только на древность и средневековье, не захватывая такие периоды, как, например, «классическая немецкая философия» (с.9). Автор поясняет, что в этой монографии преследуются не только историко-философские цели. Обсуждаются и философские задачи.

В.К. Шохин убежден в том, что термин «агатология» (учение о благах) появился все равно раньше, чем «аксиология». Но его жребий оказался не самым удачным. Но бастардом этот термин не был никогда. А в нынешнем веке некоторые западные историки философии вообще признали его законное происхождение. По мнению автора, для актуализации традиционной агатологии следовало отыскать изначальный пусковой пункт, своеобразную «пусковую точку». Она была найдена в современной аналитической этике.

Под аналитической философией, включающей в себя и этический комплекс, автор монографии понимает аналитический стиль философствования

² Спирова Э.М. Знак и символ: психолого-философские аспекты. М., 2011.

ния, который преобладает среди современных англо-американских исследователей. В.К. Шохин характеризует аналитическую традицию как такой формат философского дискурса, который включает в себя классический алгоритм философствования в виде критики пропозиций и инвентаризации понятий, полемический диалог с реальными и виртуальными оппонентами средствами классической аргументации типа дилемм, трилемм, *reductio ad absurdum*, склонность к математизации философского знания. Понятное дело, речь не идет, стало быть, о конкретном мировоззренческом направлении или о «философской конфессии». Автор стремится придать современной философии большую рельефность и глубину, возрождая интерес к нормативным признакам классического философствования. Он усматривает эти признаки в незамутненном варианте («химически чистом виде») в «Сумме теологии» Фомы Аквинского и полагает, что истоки такого мышления восходят к Сократу, Платону и даже к Ксенофону Колофонскому. (Следует обратить внимание на это имя и на оценку его как первого философа в истории вообще).

Касаясь темы «практической философии», В.К. Шохин пишет: «Интенциональность, однако, составляет едва ли не самое существенное в человеческом существовании. Ведь человек как сознательно-нравственный субъект (а именно это должно отличать его от экземпляров других видов живых существ) определяется в первую очередь не тем, что он знает и в какой области применяет свои способности, но именно тем, к чему «стремится» (именно стремится, а не просто инстинктивно влечётся своей природой)» (с.14). Заметим, что тема «человеческого» как превозможения самого себя, сознательной направленности собственного бытия – весьма распространенный сюжет философской антропологии.

Философско-антропологические размышления В.К. Шохина вполне справедливы и не нуждаются в подтверждениях. Если рассуждать о человеке апофатически, то без отчетливого обозначения в себе самом истины о благе, создание, которое А. Шопенгауэр называл «среднестатистической единицей», может обрести себя в современном обществе, если оно обладает ментальными навыками и социальной сноровкой, но без моральной вменяемости не достигнет человеческого измерения. Ведь и Гамлет говорил о тех, кто лишен понятия о будущем и прошлом, «животное – и всё». Рассуждение о благе, несомненно, можно считать

необходимой и различительной составляющей существования человека как разумно-нравственного существа.

Нет оснований не разделить мнение В.К. Шохина о том, что великие философы прошлого размышляли о шкале правильных человеческих предпочтений. Автор монографии пишет: «Философская классика, в моем понимании, должна быть отнюдь не только объектом «археологических раскопок» (пусть и провокативных для современности), но и ресурсом оценок самих «археологов». А потому я не только позволяю себе с чистой совестью давать оценки агатологических воззрений классиков по мере их изложения, но и завершаю этот труд призывом к читателю прислушаться к тому, как основные «бренды» современной «практической философии» могли бы быть оценены, если бы мы принимали достижения и «недостижения» классики всерьез» (с.11).

В.К. Шохин – энциклопедически образован. Из античности он в своих философских размышлениях отправился в Древнюю Индию и Китай, чтобы затем снова оказаться в Древней Греции. В Древней Индии, как объясняет В.К. Шохин понятие «благо» было реальным конституэнтном ранней индийской мысли. Он при этом сетует на то, что в индологии этому понятию уделяется недостаточное внимание. Оказывается, в индийской древности понятия «благое» и «благо» представлены совершенно различными лексемами. При этом у них оказался различным и исторический удел. Несмотря на данное различие, философы различных ориентаций считали определения блага предельно значимыми для обоснования духовно-практической жизни.

Известно, что китайский философ Мэн-цзы, констатируя соприродную человеку доброту, добавил: «Человеческая природа подобна стремительному потоку: пустите его на восток – потечет на восток, пустите на запад – потечет на запад. Ей безразличны добро и зло, как воде безразличны восток или запад»³. Сюнь-цзы, напротив, толкуя о злой природе, заключил: «Доброе в человеке – это благоприобретенное»⁴. В.К. Шохин полагает, что достижения китайских философов не потеряли своего значения и для современной философской антропологии. Однако аргументы Сюнь-цзы, пожалуй, не столь востребованы. Сюнь-цзы ничем

³ Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии / Сост. П.С. Гуревич. М., 1991. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

не обосновывает свое положение о том, что люди рождаются лишь с врожденными пороками. Он констатирует это лишь как бесспорный факт.

«Однако, - подчеркивает В.К. Шохин, - при всех различиях в объеме роста агатологических семян в индийской и китайской философии один «негативный результат» оказывается общим. Ни в одном, ни в другом регионе мы не обнаруживаем перехода от блага к благам, при котором эйдос блага стал бы основой для классификации его видов и типов. В Индии этому переходу препятствовало отсутствие успеха в фиксации и определении самого исходного родового понятия блага уже на начальной стадии работы с ним» (с.149).

В ходе предельно информативного рассуждения В.К. Шохин не забывает о философско-антропологическом ракурсе. Сравнивая интерес к агатологическому дискурсу в Индии и Греции, он правомерно утверждает, что одним из достижений осевого времени было обращение от космоса к человеку. Вступив в первый период своей авторефлексии, древнегреческие философы обратились к смыслу человеческого существования. При этом – весьма важное положение – они не имели предшественников в собственном смысле. Интенсивный интерес к природе старших софистов и первых сократиков на рубеже V-IV вв. до н.э. не мог не довести их рассуждения до первых предвестий отрицательной, апофатической антропологии. Они полагали, что так называемые «человеческие приращения» искажают природу. С этих позиций в социально-философском плане они критиковали афинскую демократию и полисную народную религию.

Взявшись же за реставрацию «природного блага», софисты и большинство сократических школ не могли по той же логике не отступить от отрицательной антропологии. Не случайно софисты провозгласили человека мерой всех вещей. Далее философское постижение человека неразрывно сопутствует теме блага и благ. По мнению Аристотеля, человек наиболее счастлив в том случае, когда он обладает благами, находящимися в нём самом и вне его. «Что касается стоиков, которые рассчитывали на понимание людей более притязательных, - пишет В.К. Шохин, - то их идеал высшего блага и соответственно субординация прочих оказывались в некоторой раздвоенности. Морализаторское доктринерство не позволяло им признать за благо что-либо, кроме добродетелей, тогда как здравый смысл стоял на том, что даже богатство и

хорошее происхождение, не говоря уже о здоровье, окружении и самой жизни, вряд ли рассудительно исключать из области блага» (с.231).

Несомненно прав В.К. Шохин, который полагает, что дискутируемость – надежный критерий значимости любой области традиционной философии. Здесь правомерно возникает сопоставление монологической и диалогической формы философского бытия. Нет сомнений в том, что монологический способ существования философии приводит к разработке неких «внутренних языков», доступных эзотерическому кругу. Что касается античной философии, то она, по словам автора монографии, стремилась к конкретным когнитивным результатам, достигаемым в содержательной дискуссии средствами общезначимой рациональности.

Итак, не вдаваясь в обширную детализацию обозреваемого текста, можно видеть, что автор действительно пытался проследить шаги агатологической мысли в строго хронологической последовательности. Но В.К. Шохин ставил еще одну задачу. Он хотел выяснить, что эта историко-философская «археология» может предложить для современной рефлексии над благами. Заодно и ограничить горизонт такой задачи, обозначив то, что ей не подвластно. Но как раз это ограничение в большей степени занимает автора. Он отмечает, что вторая задача требует отдельных усилий. В итоге этих размышлений В.К. Шохин приходит к выводу о правомерности различения доменов *метафизики блага* как прикладной области «теоретической философии» и *агатологии* в собственном смысле как основания «практической философии». Автор предлагает следовать «срединным путем» в осмыслении их корреляции.

Стало быть, монография В.К. Шохина – первая в философии попытка конструирования учения о благах как автономной философской субдисциплины. Она делит интеллектуальную территорию между этикой и философской антропологией. В то же время автор осуществил историческую реконструкцию агатологии как основания «практической философии» в современной аналитической традиции, в Древней Индии и Китае, во всех греко-римских школах (каждая из которых была вынуждена определиться по отношению к стратификациям и «таблицам благ» Аристотеля). Агатология участвовала в общеэллинской полемике. Она проявила себя в эпохи патристики и схоластики.

В монографии, хорошо фундированной и идеально выстроенной, мне лично не хватило за-

ключения. Правда, отдельные «итоговые» соображения разбросаны по всему тексту и, особенно, в заключительных главах. Но разнообразные сюжеты книги и многообразие линий рассуждения «то-скают», на мой взгляд, в небольшом подведении общих результатов проведенного исследования. Это, разумеется, не критическое замечание, а некое субъективное ощущение от разностороннего и сложного исследования.

В.К. Шохин, труды которого неизменно находились в поле моего внимания и безоговорочного интереса, безусловно, незаурядный исследователь. Слова Гамлета – «как основателен, бездельник» могли бы адресоваться и Владимиру Кирилловичу, если последнее слово заменить на другое – «трудяга». Правда, при этом иронический смысл реплики, обращенной к могильщику, утратится. Но мы и сочтем это за благо. Иначе говоря, отметим колоссальный труд известного ученого, его подвижничество, его стремление открыть новые ракурсы философского мышления.

ДУХОВНЫЕ ЗАПРОСЫ НОВОГО СТОЛЕТИЯ

История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М., 2014. 368 с. (тираж 1000 экз.).

В аннотации отмечено, что книга явилась отражением и обобщением результатов российской научной конференции с таким же названием, которая была проведена по инициативе отдела историко-философских исследований Института философии РАН 15-16 ноября 2012 года в Москве. Одной из задач конференции стало вовлечение не только известных историков философии, российских и зарубежных, но и представителей других философских дисциплин в актуальную дискуссию по назревшим проблемам историко-философского знания, его отношения к другим философским наукам, противоречий. Трудностей, парадоксов развития истории философии (особенно на новейших этапах), к «разведыванию» возможного будущего историко-философских исследований.

Особое внимание уделено осмыслению современного состояния истории философии в России. Книга задумана как первый шаг на пути дальнейшего обсуждения судеб истории философии, как приглашение к диалогу и специалистов, и более широкой публики, интересующейся философией. Концепция и формат конференции

(а соответственно и данной книги) отличаются от привычных способов проведения научных форумов и публикации их результатов: произносились не немногие длинные доклады, а многочисленные компактно изложенные идеи и суждения и дискуссионные выступления. Такой формат выступлений заимствован у специалистов-естественников, которые практикуют краткое изложение полученных результатов вместо развернутых докладов.

Справедливо сказано: в будущем столетии возможно вообще будет не до философии. Но европейская история знала немало грозных эпох, разломов, потрясений. Это рождает и определенные ожидания, ибо нередко в кризисные годы философская деятельность крепла и обновлялась.

Раздел «Значение истории философии для самой философии и для культуры» открывается в книге статьей В.С. Стёпина. Он раскрыл смысл формулы «Философия – это самосознание культуры». Философия, по мнению автора, осуществляет рефлексию над фундаментальными мировоззренческими универсалиями культуры. Категории философии и универсалии культуры не тождественны. Новые философские идеи включаются в поток культурной трансляции как своего рода дрейфующие гены. История духовной культуры, в том числе и ее философские компоненты, предполагают, как полагает В.С. Стёпин, исторические реконструкции процесса зарождения, трансляции философских идей и их влияния на трансформации культуры.

А.А. Гусейнов отметил высокую степень дифференциации философского знания. В дискуссионном порядке он поставил вопрос о том, не зашли ли мы слишком далеко в обособлении истории философии от философской теории в её актуальном современном виде. А.А. Гусейнов показал, как институционально оформилось обособление истории философии от теории философии. Разделительные линии между историей и теорией стали сглаживаться начиная с конца 80-х годов. Автор охарактеризовал три типа освоения философии прошлого – исследовательский, школьный и авторский. Особо подчеркнуто, что авторская история философии является, как правило, акцентировано субъективной. Автор считает, что способность сохранять актуальность и оставаться источником новых вдохновений является признаком настоящей философии.

В.Л. Махлин отметил, что философия «кончилась» в очередной исторический раз постольку,

поскольку завершился исторический цикл, именуемый «Новое время» с такими его метаимперативами, как «покорение природы», «просвещение», «гуманизм», «свобода», «труд», «личность», «демократия», «прогресс», «культура». Они направляли философское мышление в течение последних четырех столетий. В.Л. Махлин раскрывает смысл формулы «перспектива ретроспективы». Он предлагает освободиться от того, чем история философии «заставлена» и «овеществлена». Философское исследование и обучение, по мысли В.Л. Махлина, «выживут», отказавшись от притязаний как субъективизма, так и от «беспредела интерпретаций».

Немецкий философ из Германии Норберт Хинске определил две ключевые задачи историко-философской работы. Он привёл примеры девальвации философских понятий. Скажем, «спонтанность» исходно означала независимость мышления и действия от внешних влияний. Сегодня это слово наполнилось иным содержанием. Слово «автономия», по Канту, означало «самозаконотворчество». Сегодня, напротив, автономия выражает отвержение всеобщности. Еще одна задача истории философского исследования, по мнению автора, состоит в создании мыслительных альтернатив.

Р.Г. Апресян озвучил проблему: насколько исследования специалистов по истории философии отвечают потребностям философско-проблемного анализа. И с другой стороны, насколько значимы историко-философские исследования для тех, кто не мыслит серьёзного проблемного анализа без прояснения историко-мыслительного контекста. По мнению данного автора, плотность сопровождения различных философских дисциплин историко-философскими исследованиями довольно неоднородна. Налицо недостаточная комплементарность между различными областями историко-философских исследований. Историки философии выступают «археологами», в то время как предметные специалисты – «генеалогами» мысли.

Американский профессор Том Рокмор отметил, что вполне доказано: только в XIX в. философия, наконец-то признала свой исторический статус, даже в том случае, когда этот взгляд проводился в качестве противовеса к современной исторической концепции истории. Древняя философская практика, которая наводила на мысль о философской важности истории философии, впоследствии привела к концепции философии как внутренне исторического процесса, следовательно, подразумевающего непрерывный прогресс. В дальнейшем

возникла контрарная точка зрения, согласно которой философия не зависит от истории философии. Этот взгляд иллюстрируется ссылкой на Декарта и Канта. Утрата у Рорти веры в философию частично явилась следствием верности тому взгляду Витгенштейна, что мы околдованы языком.

А.Л. Доброхотов отметил, что принцип историзма, выдвинутый западноевропейскими гуманитариями в конце XVII – начале XVIII вв., открыл новую эру культурного самосознания. К концу XIX – началу XX в. обнаружился методологический тупик: история мысли как диахрония разума не могла обойтись собственными средствами для объяснения своего смысла, как, впрочем, и для его полагания. Автор формулирует ряд вопросов: какой род связи возможен между философскими системами, если исключить смешение и слияние? Как сохранить историческую индивидуальность системы и найти общность, необходимую для коммуникации с другими системами? Из сказанного следует «нераздельность и неслиянность» двух полюсов в интеллектуальной культуре человечества.

В статье Л.Т. Рыскельдиевой содержится попытка освободить историю философии от чисто теоретического контекста, переместив ее в контекст практической философии. По мнению автора, если теория призвана объяснять, то объяснение историко-философского процесса может вызвать то, что давно уже принято считать «опасностями». Одна из опасностей – редукционизм как самый распространённый способ обнаружения закономерностей – в данном случае они могут быть, например, экономического, социального, географического и прочего происхождения.

Н.И. Лобанова подчеркнула роль диалога как способа взаимопонимания. Человеку, по ее мнению, важно быть позванным и услышанным. Любовь к мудрости – не самоцель. Человек может быть человеком только при условии участия в человеческих отношениях с другими людьми.

Второй раздел книги называется «Принцип научности в истории философии: дискуссионные вопросы». В.В. Лазарев выделил в методологии историко-философского исследования – два подхода научный и философский. «Метафизика» Аристотеля по своему методу есть одновременно и научное, и историко-философское исследование. Научный подход предполагает дистанцирование автора от исследуемого, как бы глубоко он ни проникал в предмет. При философском подходе к истории философии исследователь, напротив, живо чувствует

свою существенную, субстанциальную привязанность к предмету. В.В. Лазарев также предложил учитывать, что история – субъект, но не всегда сознательный и не всегда благожелательный.

С.И. Бажов предлагает учитывать и недооценку научной значимости истории философии и переоценку ее значимости. Автор рассмотрел вопрос о статусе философии в качестве особой формы сознания, науки, литературы и мифологии. М.Ф. Быкова отметила, что противопоставление философии и истории философии искажает реальную причину взаимоотношения этих двух дисциплин. Он предложила также признать внутреннюю историчность философии. История не просто рудник для добычи идей и концепций. Придание истории философии статуса науки с самого начала – и в полном соответствии с духом философии Гегеля – предполагает системный подход к историко-философскому развитию.

В.В. Васильев в уже новом разделе «Парадоксы историко-философского ремесла» отметил, что история философии как ремесло нужна для того, чтобы снабжать людей, читающих классические философские тексты, полезной дополнительной информацией о великих мыслителях. М.Н. Громов подчеркнул, что философия предстает перед нами как наиболее универсальное знание о мире, обращенное к предельным основаниям бытия и смыслу человеческого существования. Еще Сократ именовал философию майевтикой, своеобразным ремеслом интеллектуального родовспоможения для человеческого разума. Искусными философскими ремесленниками были софисты.

Парфразируя заголовок одного из «Несвоевременных размышлений» Ф. Ницше, В.П. Визгин сначала предьявляет парадоксальный тезис о вреде истории философии для жизни философии. Не являются ли отношения истории философии с философией амбивалентными и даже парадоксальными? Автор считает, что история философии, широким фронтом проникнув в подпочвенный слой интеллектуальной культуры, становится тормозом для самой философии. Башляр называл философию «эпистемологическим препятствием на пути прогресса научного знания». История действительно служит непредсказуемо пополняемым ресурсом содержательного обновления и обогащения философского знания. Автор полагает, что в наш век следовало бы нашим гуманитарным теоретикам разработать историческую культурологию философской мысли.

Э.Ю. Соловьёв предложил метафорическое различие истории философии и философии в виде сопоставления таких институтов, как музей и театр. Музей – узаконенное хранилище культурных смыслов и ценностей. Но существенной задачей музея является еще и ответственное удостоверение подлинности и надвременной значимости того, что претендует на вечное хранение. История философии глубоко родственна театру как неисчерпаемая, никогда не прекращающаяся актуализация великих драм мышления. Напоминая об известных выступлениях М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьёв характеризовал их как выявление того, что выдающийся мыслитель хотел и логически должен был сказать, но что, тем не менее, осталось недосказанным. Автор утверждает, что развитие культуры реконструктивной импровизации может стать живым и продуктивным ответом истории философии на вызов XXI века.

В разделе «История философии и другие гуманитарные дисциплины» М.С. Киселева рассматривает историю философию как интеллектуальную историю, как историю идей. По ее мнению, ставшая привычной фраза о междисциплинарном характере современного гуманитарного знания практически не касается именно истории философии. Тектонические сдвиги – герменевтический, лингвистический, историко-культурный создают широкое междисциплинарное поле современных исторических исследований с разнообразными методологическими основаниями. В интеллектуальной истории XX в. М.С. Киселева выделяет два процесса, характеризующих состояние гуманитарного знания. Во-первых, мощный процесс предметной дифференциации внутри гуманитарных дисциплин и их новой интеграции, во-вторых, осмысление в новых интеллектуальных пространствах «подключения» к западноевропейскому философскому полю философской мысли иных стран и даже континентов (России, Индии, Китая, Японии, Америки и др.).

А.В. Черняев считает, что за несколько последних десятилетий западная историческая наука совершила впечатляющий методологический прорыв, который связан главным образом с антропологизацией истории, ее фокусировкой уже не на истории текстов и истории событий, а на самом бытии человека в прошлом. В результате новая историческая наука ныне представлена уже целым спектром историографических течений, таких как новая экономическая история, новая социальная

история, историческая демография, история ментальностей, история повседневности, психоистория, микроистория, а также рядом более узких направлений. Особое место в этом ряду принадлежит, по мнению автора, истории ментальностей – направлению, стремящемуся изучать, наряду с «подсознанием общества» и механизмами производства «здорового смысла» в ту или иную эпоху, практически любые способы истолкования мира, в том числе – религиозные, идеологические, литературные, научные, философские (методологическими ориентирами для истории ментальностей стали, в частности, работы Филиппа Арьеса, Жоржа Дюби, Роберта Мандру, Альфонса Дюпрона).

Следующий раздел книги – «Аналитическая философия в ее отношении к истории философии». Английский философ К. Вестфаль отметил, что в минувшем столетии значительно увеличилось количество философских методов и стратегий. Он подчеркнул, что отрыв философских проблем от остального человеческого бытия неизбежно ведет к безжизненной схоластике. В.К. Шохин показал возможность различных подходов в историко-философской деятельности. Одно дело – задачи культурологические, решение которых даст ему шанс выяснить те особенности образования и функционирования отдельных мировоззренческих понятий или утверждений восточных текстов. Можно заняться и тем, что обозначил А.В. Смирнов: уточнением различий в конstellляциях тех общих «смысловых атомов», из которых складываются философские дискурсы в различных традициях. Другая цель состоит в том, чтобы актуализировать ресурсы восточных философий для решения собственно философских и историко-философских методологических задач. Автор сослался также на радикальное переосмысление хронологии и генезиса аналитической философии.

«Возможна ли объективная история философии?» – так обозначен смысл статьи И.Д. Джохадзе. Философы-аналитики унаследовали от логических позитивистов идею о том, что философия «должна строиться исключительно в современных терминах». Отсюда – пренебрежительное отношение к истории философии, в особенности философии континентальной. Однако к 80-м годам отношение профессиональных философов-аналитиков к истории их дисциплины стало меняться. Развернулась дискуссия о так называемом анахронизме – тенденции рассматривать прошлое философии с точки зрения современных представлений, игнорируя или отри-

чая как псевдофилософское все, что этим представлениям не соответствует. Случай Рорти показывает, насколько радикальный анахронизм ненадежен и разрушителен для истории философии.

Раздел «Термины философии и проблема адекватности их применения к истории мысли» открывается вопросом Н.В. Мотрошиловой «Что делать с устоявшейся привычкой обозначать более поздними терминами древние или более ранние философские учения?». Автор отмечает, что, скажем, историю античной философии или философии Востока многие исследователи рассматривают «под зонтиком» модернизирующих дисциплинарных обозначений (онтология, гносеология, философская антропология и т.д.). Н.В. Мотрошилова правомерно считает, что задача философии – осваивать и презентировать тот или иной исторический период развития философской мысли в подлинных, адекватных терминах отдельных мыслителей и философских школ.

А.Н. Круглов тоже размышляет о соответствии и несоответствии философской терминологии. Он иллюстрирует проблему примерами переводов немецких философских текстов XVIII в. Нередко в русском языке просто отсутствуют должные эквиваленты. Автор осуждает практику осовременивания того или иного философского учения или его терминологии. С.М. Кускова продолжает эту тему, размышляя о специфике философских категорий. Анализ системы категорий того или иного мыслителя требует понимания выбранной проекции смысла каждой категории и установление наличия общего для всех четырех аспектов смысла.

Следующий раздел «Сомнительные или «фиктивные» обобщающие понятия и формулы в истории философии». Он открывается статьей П.В. Резвых, которая называется «В поисках нового образа немецкой классической философии». П.В. Резвых отмечает, что придание философской систематике немецкого идеализма своеобразного нормативного значения мотивировано двумя принципиальными допущениями: оценкой ее как нового расцвета философии, равновеликого по своему значению афинскому периоду развития античной философии, и убеждением в том, что она представляет собою итог предшествующего развития, закономерное завершение телеологически организованного, направленного процесса, обладающего своей имманентной логикой. Автор оценивает стереотипы, связанные с оценкой немецкой классической философии – первый – устойчивое представление

о создателях спекулятивных систем (Канте, Фихте, Шеллинге и Гегеле) как ключевых фигурах, аккумулирующих в себе все мыслительное содержание, значимое для своей эпохи; второй стереотип – устойчиво воспроизводимая не только в учебниках, но и в исследовательской литературе схема прямой генеалогической преемственности между созданными ими концепциями.

По мнению М.Ф. Быковой, один из укоренившихся стереотипов в отношении немецкого идеализма связан с негативным толкованием самого термина «идеализм» и ошибочной интерпретацией того значения, в котором он употребляется в немецкой классической философии конца XVIII – первой половины XIX в. Ирония философской истории, по мнению М.Ф. Быковой, состоит в том, что немецкие мыслители классического периода разрабатывали идеализм как позицию, *противоположную* точке зрения негативного метафизического идеализма декартовского и юмовского образца, который в своей парадигмальной форме отрицает существование материальных объектов.

В.И. Молчанов рассматривает проблему времени как фиктивную. Речь идет по крайней мере о двух фикциях. Первая фикция, которая может быть весьма полезной, это объективное время. Эта фикция может быть и вредной, поскольку содействует историцизму различного вида. Вторая фикция – субъективное (имманентное) или экзистенциальное время. Сейчас трудно назвать имманентное и экзистенциальное время полезной фикцией, ибо она препятствует исследованию и описанию человеческого опыта, который является по преимуществу пространственным и телесным.

Раздел «История философии в контексте различия культур» открывается статьей М.Т. Степанянц «Чем живут современные восточные философии?». Она отметила, что мы до сих пор фактически существование незападных философий, даже двух единственно сохранившихся древнейших цивилизаций Китая и Индии. Между тем без признания восточных философских традиций невозможен диалог культур, позволяющий становление того, что сегодня принято называть межкультурной философией, под которой имеется в виду не метафилософия, а философская рефлексия, учитывающая многообразие накопленного веками опыта человечества.

Об опасности европоцентризма как тормоза современных историко-философских исследований размышляет В.Г. Лысенко. Любой центризм, отмечает она, представляет собой систему, в кото-

рой центр – это точка, отождествляемая с объективностью. Из нее видно все, что нее самой. Чтобы увидеть ее, нужно с ней сойти. Главная опасность состоит в том, что, воспринимая себя как норму и модель философствования, его вершину, западные философы ставят себя вне мирового контекста, вне масштабов достижений и открытий мысли в разных культурах и цивилизациях.

А.В. Смирнов размышляет об истории идей и смысловой логике. Он показал: то, что выглядит успокаивающе одинаковым с точки зрения истории идей, оказывается внутренне выстроенным в разных смысловых логиках и потому внутренне существенно различным. Вторая позиция менее комфортна, она требует большего внимания и больших усилий. Вознаграждение за это – возможность целостной интерпретации взглядов исследуемого мыслителя (в данном случае Ибн Араби) вместо выборочной, мозаичной редукции к предшественникам. Е.А. Фролова подчеркнула, что именно на Востоке, в индуизме, зороастризме возникли первые осмысления космологических, этических вопросов, и, может быть, выработанные в них способы рассуждения являются наиболее адекватными формами выражения этого содержания. Ныне уже Восток получает возможность и право критически оценивать состояние западной культуры. Оксидентализм получает паритетные права наряду с ориентализмом.

От case studies – к проблемным историко-философским обобщениям – название следующего раздела книги. И.И. Блауберг отмечает взлёт историко-философской науки во Франции. Там состоялись дискуссии, которые длились десятилетиями, вовлекая в гущу обсуждений все новых авторов. И.И. Блауберг показала, что в минувшее столетие во Франции были предложены разные методы историко-философского исследования и способы их обоснования, причём философия и история философии оказывали друг на друга сильное взаимное влияние.

Исследование национальных типов философствования можно выделить в особый жанр историко-философской работы. Такова точка зрения Р.А. Громова, который анализирует австрийскую философию и ставит вопрос о философских традициях. Австрийскую философию Р.А. Громов считает удачным примером для анализа современных методов конструирования национальной философии.

Доклад Т.Б. Длугач посвящён В.С. Библеру как историку философии. В одиннадцати тезисах пред-

ставлена оригинальность и глубина этого мыслителя. Она отмечает: для того, чтобы вернуть разным философским системам их особенный смысл, надо вслед за Библером осуществить «снятие снятия», когда как ни странно, осуществляется не прогрессивное движение вперед, а возвращение назад, к истокам логики. А.Н. Ерыгин стремится дать концептуально оформленное представление о творческой эволюции М.К. Петрова как философа. Об уроках евразийской самокритики размышляет А.В. Соболев. Цель его выступления в том, чтобы на примерах евразийских споров продемонстрировать, какие, мало сказать психологические, но скорее духовные силы, в нас самих проявляющиеся, активно сопротивляются раскрытию многомерности восприятия и мысли.

Отдельный раздел книги посвящен проблеме работы историка философии в архивах. Н.А. Куценко отмечает, что любой вновь найденный архивный материал позволяет дать возможность подтвердить подлинность историко-философских исследований в отношении исторического лица. Такие сведения позволяют уточнить, скорректировать, порой существенно, те или иные представления об изучаемых мыслителях и их трудах. А.Н. Круглов оценивает архивы не только как помощь, но и как препятствие для историка философии. Суть в том, что архивная работа требует значительных интеллектуальных и временных затрат. А.Н. Ерыгин по-

казывает, как архивная находка может изменить отношение к стереотипам.

В общей дискуссии по темам конференции выступил А.В. Смирнов. Он показал, что философия вполне осознает свою абсолютность – не в том, что философия говорит обо всем и перенумеровывает все предметы познания, а в том, что она пытается дойти до конечных оснований: в этом суть философствования. Сама по себе абсолютность и является вызовом для философии, потому что абсолютное невозможно отрефлексировать. Философия еще не нашла свою парадигмальность. Культуры могут различаться между собой и логически, и это – гораздо более интересный тип различия. Содержательное различие между культурами есть всегда, а вот логическое – только между крупными макрокультурными ареалами, среди которых можно назвать западный, арабо-мусульманский, думаю, китайский и, возможно, индийский. В культуре, как и в речи, как и в мышлении, есть что-то что не сводится к атомарности значений, а именно – связность. Не следует терять ту самую внутреннюю логику, способность разворачивать смыслы, строить связность на определенных основаниях. В истории человечества только два культурных ареала поднялись до уровня подлинного научного мышления: это греко-западная традиция и арабская традиция.

Представленные книги отражают самые острые проблемы историко-философского процесса.

Список литературы:

1. Бэксхёрст Дэвид. Формирование разума. М., 2014.
2. Дильтей Вильгельм. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М., Иерусалим, 2000.
3. История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М., 2014.
4. Махлин В.Л. Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии. М., 2009.
5. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии / Сост. П.С. Гуревич. М., 1991.
6. Шохин В.К. Агатология: современность и классика. М., 2014.

References (transliteration):

1. Bekkherst Devid. Formirovanie razuma. M., 2014.
2. Dil'tei Vil'gel'm. Vozzrenie na mir i issledovanie cheloveka so vremen Vozrozhdeniya i Reformatsii. M., Ierusalim, 2000.
3. Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka / Otв. red. N.V. Motroshilova. M., 2014.
4. Makhlin V.L. Vtoroe soznanie. Podstupy k gumanitarnoi epistemologii. M., 2009.
5. Chelovek. Mysliteli proshlogo i nastoyashchego o ego zhizni, smerti i bessmertii / Sost. P.S. Gurevich. M., 1991.
6. Shokhin V.K. Agatologiya: sovremennost' i klassika. M., 2014.